

АГРАРНЫЙ ПЕРЕВОРОТ В БОЛГАРИИ В 1877—1879 годах

Н. Левинтов

В то время как политическая история болгарского буржуазного государства, возникшего в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг., привлекла внимание исследователей, история образования нового базиса, на котором зиждилось это государство, оставалась почти не изученной. Особенно это относится к такому важному моменту в процессе создания нового, капиталистического базиса, как ликвидация феодального землевладения.

Нет не только ни одного специального исследования, посвященного истории аграрного переворота в Болгарии, но даже небольшие статьи по этому вопросу. Не выяснены и не предпринимались попытки выяснить ни точные хронологические рамки аграрного переворота, ни его этапы, ни его формы и специфику, ни, наконец, его влияние на дальнейшее развитие Болгарии. Между тем проблема аграрного переворота — одна из важных проблем истории Болгарии.

Нельзя считать случайностью, что столь важный этап в истории Болгарии, как ликвидация помещичьего землевладения, остался совершенно не изученным. Это обстоятельство нельзя объяснить одним отсутствием источников, хотя их действительно поразительно мало. Болгарские буржуазные историки не использовали источники, даже вполне доступные им, как, например, стенографические отчеты народных собраний или публикация Н. Р. Овсяного¹. Они сознательно отказались от настоящего изучения истории аграрного переворота, так как это разоблачило бы предательство со стороны буржуазии дела национального и социального освобождения болгарского народа. Болгарские буржуазные историки и экономисты избрали путь фальсификации фактов. Они утверждают, что в Болгарии, в сущности, не было аграрного переворота, что имела место лишь массовая добровольная и «законная» купля болгарскими крестьянами земель бежавших турецких помещиков. С легкой руки К. Иречек, пустившего эту ложь в ход ещё более 50 лет назад, буржуазные историки утверждают, что в массовом разорении крестьянства в 80—90-х годах XIX в. были повинны сами крестьяне, «обуянные жадностью и покупающие земли больше, чем позволяли их собственные возможности»². Основное назначение этой трактовки аграрного переворота заключается в том, чтобы скрыть роль революционных действий народных масс в истории.

В настоящей работе автор ставит задачей в самых общих чертах, насколько позволяют рамки журнальной статьи, выяснить ход, характер,

¹ Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. (в дальнейшем: Сборник материалов). Под редакцией Н. Р. Овсяного. Изд. Военно-исторической комиссии Главного Штаба. 6 выпусков. СПб. 1903—1907.

² См. К. Иречек. Княжество България. Ч. I, стр. 223—236, ч. II, стр. 553—562 Пловдив. 1899; J. Sakozov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, S. 193—194. Berlin und Leipzig. 1929; Т. Данаилов. Исследование върху демографията на България. Сб. на Бълг. Академия на науките. Кн. 24-я. София; И. Стефанов. Государ. господарски и чифлишки земли. Сб. на Бълг. Икон. Дружество, ч. XIII, кн. 7—8-я, стр. 516—523. София; К. Георгиев. Аграрната реформа. Пловдив. 1929; К. Кожухаров. Към социалистическото преустройство на нашето земеделско стопанство, стр. 10. София. 1948.

этапы и специфику аграрного переворота в Болгарии. Работа основывается в первую очередь на материалах архива Русского оккупационного управления в Болгарии и личного архива главы управления Дондукова-Корсакова. Среди этих материалов следует выделить данные первой болгарской земельной переписи, проведённой в апреле — мае 1879 г., как раз в период аграрного переворота³.

В 30—40-х годах XIX в. в Болгарии в результате перехода от условно-ленной системы землевладения (спахилука) к частному помещичьему землевладению (чифликчиству) сложились три основные формы помещичьего хозяйства: первая, при которой помещики вели собственное хозяйство в поместье (чифлик), иногда применяя наёмный труд батраков — ратаев, момцов; вторая, при которой помещики-беки не вели собственного хозяйства, а всю землю сдавали в кабальную аренду исполу; и, наконец, третья, характеризовавшаяся образованием особого вида крепостнического помещичьего хозяйства (кесимджийство), при котором земля находилась в неотчуждаемом пользовании крестьян-кесимджиев, плативших кесим (вид оброка) помещику.

Наметилось и определённое географическое размежевание районов преимущественного преобладания каждой из этих форм помещичьего землевладения: кесимджийская — в Юго-Западной Болгарии, кабальная аренда — в Северной Болгарии и чифликчицкая форма землевладения — в Южной Болгарии. Наибольший удельный вес в помещичьем землевладении имело хозяйство, ведшееся методом кабальной аренды.

Каждая из указанных форм землевладения отражала различную степень разложения феодального способа производства.

С ликвидацией ленной системы исчезли и многочисленные феодальные категории — райи, — и к 30—40-м годам болгарское крестьянство в основном состояло из малоземельных арендаторов-исполджиев, безземельных ратаев и крепостных кесимджиев. Однако заметно усилившийся процесс вызревания товарно-денежных и капиталистических отношений в сельском хозяйстве Болгарии нашёл своё выражение в разложении крупного турецкого землевладения и в выкупе болгарскими крестьянами земли у турок и прав на землю у турецкого государства. В связи с этим значительно увеличился слой болгарских крестьян-землевладельцев, усилилась дифференциация в болгарской деревне.

Но процесс выкупа земель у беков был далеко не завершён к моменту освобождения страны. Большая часть крестьянства продолжала находиться в феодальной и полуфеодальной зависимости от турецких феодалов. Ликвидация турецкого помещичьего землевладения и феодального гнёта была прямой необходимостью для болгарского крестьянства.

Болгарское крестьянство испытывало кроме того тяжёлый экономический, политический и национальный гнёт со стороны турецкого феодального государства, в ликвидации которого был кровно заинтересован болгарский народ.

Назревшая в 60—70-х годах в Болгарии национально-освободительная буржуазная революция своими целями ставила освободить страну от турецкого ига, принести ей национальную независимость, ликвидировать помещичье землевладение и все феодальные отношения в экономике страны, демократизировать страну. Как известно, поражение Апрельского восстания 1876 г. — вершины национально-освободительного движения — предопределило иной, менее последовательный и более противоречивый

³ Перепись 1879 г. была проведена офицерами русской оккупационной армии по заданию Дондукова-Корсакова. К сожалению, точность собранных переписью сведений весьма относительна. Кроме того данные по некоторым местностям отсутствуют вовсе. Из приведённых в переписи данных особенно важна таблица № 3, выясняющая положение земель, брошенных турецкими беженцами во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

путь решения этих задач в ходе и в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Объективно прогрессивное значение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. заключалось не только в том, что она принесла национальную свободу и политическую независимость Болгарии, но и в том, что эта война привела к решительной ломке аграрных отношений, к возврату болгарам захваченных у них турками земель.

Аграрный переворот протекал чрезвычайно своеобразно, именно ввиду того, что он совершался не в результате революции, а в результате войны, которую к тому же вело монархическое, помещичье-буржуазное правительство России. Аграрный переворот был стихийным. Крестьянское выступление не имело руководства вследствие разгрома в ходе Апрельского восстания революционной партии во главе с Христо Ботевым.

Особенностью аграрного переворота являлось то, что в ходе его вопрос об уничтожении феодального помещичьего землевладения оказался теснейшим образом связанным с вопросом о землях турецких беженцев.

Бегство турецкого населения из Болгарии началось сразу же после перехода русскими войсками Дуная, в июне 1877 г., и продолжалось с возрастающей силой в течение всей войны. В первую очередь бежали помещики и управляющие помещичьими имениями, опасавшиеся выступлений болгарских крестьян. О масштабах бегства можно судить по тому, что только в окрестностях Константинополя в июле 1878 г. скопилось не менее 100 тысяч беженцев⁴. Большое количество турецких беженцев скопилось также в Родопских горах⁵.

В Северную Болгарию навстречу потоку турецких беженцев устремился поток болгарских переселенцев, которые бежали от чудовищной расправы, учинённой над ними турками в южноболгарских городах и сёлах после отступления оттуда в июле 1877 г. отряда генерала Гурко. В ноябре и декабре 1878 г. в Северную Болгарию нахлынула масса беженцев из Македонии, спасавшихся от разнузданного террора турок, безжалостно подавлявших восстание македонских крестьян.

При первых же известиях о победе России домой, на освобождённую территорию Северной Болгарии, потянулись многочисленные болгарские эмигранты, возвращавшиеся из Сербии, России и Румынии.

Наряду с движением беженцев и эмигрантов имел место ещё один вид внутреннего перемещения: болгарские крестьяне, некогда спасавшиеся от турок уходом в горы, ныне, после бегства турок, спускались с гор в плодородные долины.

В связи с бегством турок и опустением их земель в порядок дня встал вопрос о разрешении аграрной проблемы.

Разрешение её прошло несколько стадий и вылилось в аграрную революцию, совершённую болгарским крестьянством.

Вопрос о землях бежавших турок первоначально возник в порядке разрешения не аграрной проблемы, а проблемы размещения в ходе войны десятков тысяч болгарских беженцев.

В целях размещения прибывшего в Северную Болгарию болгарского населения и обеспечения его продовольствием русское военное командование разрешило болгарам осенью 1877 г. поселиться на землях турецких беженцев и засеять их. Проведение сева сопровождалось захватом болгарскими крестьянами этих земель. Этот первый этап начавшегося аграрного переворота характеризовался прежде всего довольно ограниченной сферой распространения. Захват бывших турецких земель происходил только в районах, уже очищенных от турецких войск, и не затрагивал Южной Болгарии, где ещё господствовали турки; во-вторых, захват совершался в сравнительно небольших масштабах, главным образом потому,

⁴ См. Сборник материалов. Вып. 3, стр. 12.

⁵ См. там же. Вып. 5, стр. 318—341. «Записка о ходе Родопского восстания».

что ещё был неясен исход войны и крестьяне боялись возможности возвращения турецких помещиков.

Новый, решающий этап аграрного переворота в Болгарии начался весной 1878 г., после заключения Сан-Стефанского договора, то есть после полной победы России и поражения Турции, когда вся Болгария была очищена от турецких войск, полиции и турецкого административного аппарата и болгарское крестьянство обрело уверенность в том, что турки не вернуться. Многочисленные болгарские беженцы устремились к своим родным местам и, как сообщает в своём первом отчёте в июле 1878 г. Дондуков-Корсаков, «пользуясь повальным бегством перед нашими войсками мусульманского населения, они стали захватывать различное движимое и недвижимое имущество, оставленное мусульманами»⁶.

Начавшийся процесс массовой ликвидации турецкого помещичьего землевладения проходил по-разному в различных частях Болгарии, что определялось в первую очередь различием в самых формах помещичьего землевладения.

В центральных и северо-восточных районах Болгарии, где господствовала кабахная испольщина, имелась очень большая прослойка турецкого крестьянства. В северо-восточной части Болгарии процент турецкого населения даже после бегства турок составлял от 44 до 82, в Тырновской губернии — 20⁷.

Турецкое население проживало либо обособленно, в турецких поселениях, либо в смешанных болгаро-турецких сёлах. Наиболее типичным в этом отношении был Тырновский округ, Тырновской губернии. Из 158 сёл этого округа половина являлась болгарскими, 57 смешанными и 23 турецкими⁸. Жители 77 сёл двух последних категорий бежали. Вскоре беженцы 22 сёл возвратились и вновь вступили во владение своей землёй.

Зато чрезвычайно показательна судьба земель беженцев остальных 55 сёл. Имеющиеся у нас данные говорят о прямом захвате, найме и покупке болгарскими крестьянами части этих земель⁹. В 12 сёлах из 55 земель оказались захваченными болгарскими крестьянами, в 7 сёлах — взятыми в наём, в 5 сёлах — купленными, в 22 сёлах — остались нетронутыми («свободными», как говорилось о них в «Статистических сведениях»). Относительно 6 сёл не имеется сведений, в 3 сёлах брошенные земли были заняты турками — жителями соседних деревень.

На первый взгляд кажется, что почти половина брошенных турецких земель в этих сёлах пустовала, не была занята болгарскими крестьянами. Но в действительности дело обстояло по-иному.

Повидимому, составитель исследуемых нами материалов (таблицы № 3) успел лично побывать лишь в 27 сёлах из интересующих нас 55, а данные для остальных 28 сёл взял в окружном совете, который, не имея сведений о фактическом состоянии брошенных земель, автоматически причислил их к «свободным». Поэтому будет вполне логично проанализировать данные о земле только по тем 27 сёлам, относительно которых есть конкретные указания.

Первое место в этой группе занимает прямой захват, присвоение болгарскими крестьянами земель турецких беженцев. Это явление имело место в 12 сёлах. При этом нужно отметить, что лишь в 3 сёлах земли были заняты переселенцами, в остальных 9 они занимались местными

⁶ Сборник материалов, вып. 3, стр. 12. Отчёт Дондукова-Корсакова от 13 июля 1878 года.

⁷ См. «Окончателни резултати от преброявание на население то на 1 януаря 1881 г.», стр. 6—7. София. 1890.

⁸ См. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 54161. «Статистические сведения» по Тырновской губернии, лл. 75—168.

⁹ Здесь и далее анализируются материалы таблицы № 3: «Сведения о брошенных турецких землях» по Тырновскому округу, Тырновской губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 54161, лл. 75—168.

жителями. Всего было занято таким образом более 12 тыс. дюлюмов пацни¹⁰.

Кроме захвата имели место ещё покупка и аренда брошенных земель. Кто же покупал эти земли, в каком количестве, для чего и у кого?

Земли покупали исключительно болгары-переселенцы, пришедшие из-за Балкан, местное население их не покупало. Это — первое важное обстоятельство. Во-вторых, землю покупали в минимальных размерах. Так, в одном случае 42 переселенца купили 690 дюлюмов земли, в другом случае 12 переселенцев купили 82 дюлюма, в третьем — 32 переселенца купили 130 дюлюмов, в четвёртом — 4 переселенца купили 172 дюлюма и в пятом — 8 переселенцев купили 575 дюлюмов земли. Всего 98 семейств болгарских переселенцев приобрели 1 649 дюлюмов (около 165 гектаров) земли.

Хотя в «Статистических сведениях» нет указаний на социальное положение покупателей брошенных турками земель, естественно предположить, что это были состоятельные люди, имевшие наличный капитал, то есть кулаки или зажиточные середняки, представители тех слоёв крестьянства, которые выкупали турецкие земли ещё и до русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Гораздо интереснее ответить на вопросы, у кого и для чего покупалась земля. Купить землю в отсутствие её хозяина, естественно, было невозможно. Сделки купли-продажи совершались, вероятно, во время встречных потоков турецких и болгарских беженцев, когда бегство турок не носило ещё массового характера, то есть до окончания войны, летом — осенью 1877 года.

Следовательно, покупка земли имела место на самой ранней стадии аграрного переворота, земля покупалась в небольших количествах болгарскими переселенцами, а не местными жителями. При этом, нам кажется, что эти покупки не исключали, а скорее предполагали одновременный захват земли. Русское командование разрешило запахать пустовавшие земли турецких беженцев. Если местные жители могли просто припахать к своей пашне землю бежавших турок, что особенно легко было сделать при господстве исполщины, когда свой кусок земли лежал часто рядом с нанимаемым, то прибывший на чужое место беженец или переселенец не мог этого сделать и получал эту возможность только после покупки минимального «законного» участка.

Так обстояло дело с покупкой брошенных турками земель в Тырновском округе.

Не менее интересно разобраться и в вопросе об аренде этих земель. В Тырновском округе указано 7 сёл, где земля турецких беженцев арендовалась. У кого же арендовалась эта брошенная земля? В четырёх случаях из семи таблица № 3 даёт следующий ответ на этот вопрос: «Берут в наем от окружного совета»; в трёх случаях просто говорится: «За плату» — без указания, кому и на каких условиях.

Мы имеем полное основание утверждать, что аренда в подавляющем большинстве случаев была только формой для прикрытия захвата брошенных земель. Именно так характеризуется состояние аренды в «Дополнительной записке» к «Статистическим данным» по двум другим округам той же Тырновской губернии — Ловчанскому и Севлиевскому. «Каждый обрабатывающий такую землю (брошенную турками.— Н. Л.), — говорится в записке по Ловчанскому округу, — обязывается по окончании полевых работ доставить в правительственные хлебные магазины $\frac{1}{3}$ всего сбора. Сколько же таких земель в дюлюмах обрабатывается каждым арендатором, никто из жителей сказать не может, и в окружном совете сведений никаких не имеется. Каждый, кто хотел, занимал по собствен-

¹⁰ Дюлюм примерно равен 0,1 га.

ному усмотрению и засевал сколько мог»¹¹. Аналогичное указание имеется и по Севлиевокому округу¹². За словом «аренда», таким образом, скрывался, по существу, захват оставленных турками земель.

Фиктивный характер аренды имел место не только в Тырновском округе, а был распространённым и типичным явлением для всей Болгарии. Это подтверждает свидетельство П. Каравелова, бывшего министром финансов Болгарии вскоре после окончания русской оккупации и потому хорошо знакомо с состоянием арендных поступлений в государственную казну. «Еще во время русской оккупации, — говорил он на 2-й сессии 2-го Народного собрания в 1880 г., — князем Черкасским (Черкасский ведал гражданскими делами при русском военном командовании. — *Н. Л.*) было сделано распоряжение, чтобы доход от всех этих (брошенных турками. — *Н. Л.*) земель поступал в казну. Так было предписано... Но фактически крестьяне их (земли. — *Н. Л.*) забирали, и министерство сегодня смотрит на это сквозь пальцы; в одном месте эти доходы требовали, в другом — нет»¹³.

Так же совершался аграрный переворот в Еленинском, Ловчанском и Севлиевоком округах Тырновской губернии. В Еленинском округе, насчитывавшем всего 23 села (12 болгарских, 9 турецких и 2 смешанных), вначале имело место массовое бегство болгар (лето 1877 г.) и затем турок. При этом чрезвычайно характерно, что часть болгарских беженцев, возвращаясь, занимала не свои дома и земли, а сёла и земли, брошенные турками. Так, из села Распоповцы бежало 152 болгарских семейства, вернулось же только 120, остальные 32 семейства, как указывается в «Сведениях», «возвратились, но только живут по селам, прежде занятым турками, и там забрали землю, а свою в своем селе отдают под наем»¹⁴. В большое село Беброво вернулось только 192 семейства из 365 бежавших, а в село Босновци — 69 из 152, остальные заняли в том же округе брошенные турками земли. Так же обстояло дело и в ряде других сёл — Ставреке, Попове, Тонки-рать¹⁵. О покупке или аренде турецких земель в Еленинском округе даже не встречается упоминания, а прямо указывается: «забрали» или «поселились».

В Ловчанском и Севлиевоком округах вся брошенная турками земля «арендовалась», лесами же и выгонами жители пользовались совершенно свободно¹⁶.

Иная картина наблюдалась в двух других округах Тырновской губернии — Осман-Базарском и Габровском.

В первом из них жили почти одни турки (80 сёл из 84)¹⁷, во втором — исключительно болгары¹⁸. В Осман-Базарском округе не произошло никаких аграрных изменений, хотя турецкое крестьянство было значительно дифференцировано и также страдало от гнёта беков. Турецкое крестьянство не поднялось против «своих» помещиков. В Габровском округе аграрный вопрос разрешился путём переселения местных жителей в другие округа, где имелись свободные, брошенные турками земли.

Анализ материалов о ходе аграрного переворота в других районах Северной Болгарии показывает, что этот переворот происходил в основном так же, как и в Тырновской губернии, за исключением северо-запада, где он отличался некоторыми особенностями.

На северо-востоке Болгарии, в Рушукской губернии, преобладало турецкое население (в западной её части — до 80%). Здесь земли турец-

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 54161, лл. 308—309.

¹² См. там же, лл. 312—313.

¹³ См. Дневницы на II Обыкновенно народно събрание (ОНС), 2-я сесия. Кн. 3-я, стр. 9. София. 1891.

¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 54161, л. 272.

¹⁵ См. там же, лл. 272—273.

¹⁶ См. там же, лл. 350—363, 308—349.

¹⁷ См. там же, лл. 191—244.

¹⁸ См. там же, лл. 169—190.

ких беженцев, как и в Тырновской губернии, были захвачены болгарскими крестьянами. При этом в ряде сёл брошенная турками пахотная земля использовалась болгарскими крестьянами под выгоны¹⁹. Так, в одной из деревень, указывается в «Статистических сведениях», «оставленный жителями-турками сенокос болгары той же деревни косят, так как турки, возвратившиеся, сами не хотят»²⁰.

Эта наивная ссылка на появившееся вдруг у турок нежелание косить свой покос — проявление всё той же отмеченной уже для Тырновской губернии тенденции как-то «узаконить» захват.

В Южной Болгарии, как и в Северной, имелась значительная прослойка турецкого крестьянского населения²¹. Но здесь наиболее развито было собственно помещичье, чифликчийское, хозяйство, и процесс образования слоя мелких болгарских земледельцев-собственников был более интенсивным.

Постараемся выяснить, что произошло здесь с помещичьими землями и именьями.

Главная масса поместий-чифликов в Пловдивской губернии была сосредоточена в Татар-Пазарджикском и Пловдивском округах. О судьбе чифликов в Татар-Пазарджикском округе говорится вполне определённо в «Дополнительной записке» к «Статистическим сведениям» по этому округу: «Отдельные чифлики, поместья, находящиеся при некоторых селах, как-то: село Сараньево, Абдерляре, Кулота, Урумчу-Махала и Д..... (не-разборчиво.— Н. Л.), в настоящее время... турок в этих селах нет и все чифлики заняты болгарами без всякого разрешения и обрабатываются ими»²². Итак, чифлики, находившиеся вблизи сёл, были «без всякого разрешения» захвачены болгарскими крестьянами. В той же записке указывается, что чифлики, находившиеся вблизи города (Т. Пазарджика), «в настоящее время никем не обрабатываются и кому принадлежат, неизвестно»²³.

Такая же участь постигла и чифлики в Пловдивском округе (51 чифлик, в том числе 19 турецких). Из 19 турецких чифликов 7 были захвачены болгарскими крестьянами, 6 пустовали, о 6 чифликах сведений нет²⁴.

Характерно, что, забирая помещичьи земли, крестьяне уничтожали самые усадьбы. В Казанлыкском округе все три чифлика были полностью разрушены. «К селу Салтиково принадлежит еще чифлик «Хазнодор». Построек на нем не существует, а земля присоединена к деревне»²⁵. «Чифлик разрушен дотла, остались одни только следы»²⁶. «К деревне Ражино принадлежит еще 200 уврат²⁷ великолепной земли бывшего чифлика. Чифлик разрушен, а земля присоединена к селу»²⁸. То же произошло с чифликом турка Осман-бея в селе Чалакчии²⁹.

Следует отметить, что болгарские крестьяне сжигали не только помещичьи именья, но и целые пустовавшие турецкие деревни, стараясь этим предотвратить возвращение турок.

Наряду с захватом помещичьих земель в Южной Болгарии происходил и захват земель, принадлежавших турецким крестьянам.

¹⁹ См. там же, д. 54158, лл. 180—183.

²⁰ См. там же, л. 180.

²¹ См. И. Юркевич. 25-летние итоги княжества Болгария. Т. I. София. 1904. (Приложение: карта, представленная Константинопольской конференции.)

²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 54160. «Статистические сведения по Филиппопольской губернии», л. 5.

²³ Там же.

²⁴ См. там же, лл. 99—118.

²⁵ Там же, л. 74.

²⁶ Там же, л. 87.

²⁷ Уврат равен дюлюму.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 54160. «Статистические сведения по Филиппопольской губернии», д. 79.

²⁹ См. там же.

В этом отношении весьма показательны данные по Казанлыкскому округу, густо населённому турками. Из 48 сёл в этом округе болгарских было лишь 3, турецких — 17, остальные смешанные³⁰. Бегство турок было почти поголовным. К апрелю 1879 г. в округе насчитывалось лишь 430 турок³¹. Брошенная турецкими беженцами земля была захвачена болгарским населением этого округа, а также многочисленными болгарскими переселенцами из Габрово, Травно и других мест. Достаточно сказать, что крестьяне известного села Шипки, расположенного у Шипкинско-го перевала, спустились с гор и заняли целый ряд турецких деревень: Имитлия, Горный Софиларе, Горный Сохране, Шейново, Сыкирялево, Бигерлия, Боясня³². Но, занимая турецкие земли, шипкинские крестьяне не бросали и своих прежних участков. Эти крестьяне, говорится в «Статистических сведениях», «живут по другим селам, но землю свою владеют»³³.

Попытка турок вернуться в округ встретила решительное сопротивление болгарских крестьян: турки нашли свои дома разрушенными, а земли — занятыми.

То же самое происходило и в остальных округах Пловдивской губернии. Вот несколько типичных данных о сёлах Татар-Пазарджикского округа со смешанным (турецко-болгарским) населением.

В селе Салхан-бей (Сараньево) из 64 брошенных турками усадеб 60 оказались занятыми болгарами: «Турки во время войны бежали и ихнии усадьбы заняты переселенцами из Адрианопольского округа. Усадьбы болгарами обстраиваются. Земля [турецкая] тоже обрабатывается болгарскими... опустелой земли нет — вся занята переселенцами». Чифлик при этой деревне, принадлежащий Аншим-беку, занят жителями деревни³⁴. Из села Калугери «все турки разбежались и не возвратились. Количество земли, принадлежащей туркам, неизвестно. Земля забрана болгарами. Дворы [турецкие] все разорены»³⁵. Из села Джумая «турки все бежали и не возвратились. Количество турецких земель неизвестно. Земля вся считается болгарской. Дворы турецкие все разорены»³⁶. Из села Церово «турки все бежали, и немного (26) душ возвратилось. Земля вся ихняя забрана болгарами, и в настоящее время неизвестно количество земли турецкой. Болгары считают [ее] своей»³⁷.

Нет надобности умножать число подобных примеров. Обобщая положение в округе, составитель «Статистических сведений» сам делает вполне определённый вывод: «Земля разобрана болгарами и обрабатывается, по сколько у каждого — неизвестно. Турки большей частью бежали и не возвратились»³⁸.

Так же обстояло дело и в Старо-Загорском и Пловдивском округах. О большинстве брошенных земель имеется следующая краткая запись: «Земли эти заняли болгары из этого же села», «Землей этой пользуются жители соседних сел»³⁹. Против остальных брошенных сёл стоит отметка: «Пустует».

Такая картина аграрного переворота в Пловдивской губернии.

Как и в Тырновской и Руцукской губерниях, земли бежавших турок здесь были захвачены болгарскими крестьянами. Но в отличие от Северной Болгарии формы захвата земель турецких беженцев здесь были более радикальными. Болгарские крестьяне нередко поджигали помещичьи

³⁰ См. там же, лл. 53—71.

³¹ См. там же, л. 70.

³² См. там же, лл. 54—55.

³³ Там же, л. 75.

³⁴ См. там же, л. 26.

³⁵ Там же, л. 38.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 46.

³⁸ Там же, л. 28.

³⁹ Там же, лл. 195—198.

усадыбы и брошенные турецкие деревни и оказывали прямое сопротивление попыткам турок по возвращении вновь занимать эти земли и дома. Почти все турецкие чифлики были уничтожены, а земля их захвачена крестьянами. Фактически в Пловдивской губернии турецкие чифликчи были полностью ликвидированы. Так называемые «покупка» и «аренда» земли здесь совершенно отсутствовали. Наоборот, имел место прямой, ничем не прикрытый захват.

Такая острая борьба за землю в Пловдивской губернии объяснялась, с одной стороны, тем, что в Южной Болгарии сложилось особое положение в связи с возвращением этой части страны, по реакционному Берлинскому договору, турецкому султану под видом автономной области — Восточной Румелии. Восстановление власти султана означало возвращение турецких помещиков, реставрацию феодального, национального и политического гнёта, потерю болгарскими крестьянами их исконных земель, кровавую месть со стороны турок. Такая перспектива делала борьбу за землю чрезвычайно ожесточённой, крестьяне становились ярыми противниками Берлинского договора. С другой стороны, Южная Болгария была центром недавнего Апрельского восстания, подавленного турецкими карателями с неслыханной жестокостью. Гнев против турецких палачей и горячее желание отомстить за пролитую кровь также придавали борьбе за землю особую ожесточённость.

Есть все основания полагать, что так же, как в Пловдивской губернии, происходил переворот и в другой губернии Восточной Румелии — Сливенской, которая находилась в таких же экономических и политических условиях. В основных чертах картина аграрного переворота в Пловдивской губернии являлась типичной для всей Южной Болгарии.

Иначе происходил аграрный переворот в северо-западной (Видинская губерния) и юго-западной (Софийская губерния) частях Болгарии. Видинская губерния была районом господства исполщины, а в юго-западной части Софийской губернии господствовало кесимджийство. Крестьян-турок здесь было очень мало, так же, как и собственных турецких помещичьих хозяйств — чифликов. Однако турецкое крупное помещичье землевладение здесь было развито больше, чем где-либо.

Естественно, что после бегства турок в этих районах не образовалось в больших количествах «пустующих» и «брошенных» земель, за исключением земель поголовно бежавших жителей татаро-черкесских сёл. Аграрный переворот здесь выразился не столько в захвате земель турецких беженцев, сколько в ликвидации явочным порядком всех феодальных обязанностей и повинностей. Кесимджи перестали выплачивать кесим, а исполджи — арендную плату и начали рассматривать себя собственниками земли, которую они ранее обрабатывали как кесимджи или как арендаторы. Это также был захват земель, но захват не брошенных, не пустующих, а, так сказать, «своих» земель, захват, незаметный для стороннего наблюдателя и потому не отмеченный в «Статистических сведениях».

О том, что дело обстояло именно так, свидетельствуют многочисленные процессы, которые впоследствии вели турецкие собственники в Видинской губернии, стремясь вернуть отнятые у них земли. Т. Икономов в своих мемуарах указывает, что в 1884 г. он в качестве члена государственной комиссии по господским и чифликским землям работал в Ломском и Видинском округах и только за один месяц разобрал там больше 60 подобных дел⁴⁰.

О правильности нашего вывода говорят также многочисленные жалобы крестьян-кесимджиев Кюстендильского округа по поводу попыток помещиков вернуть кесимджиев в прежнее состояние. Жалобы эти свя-

⁴⁰ См. Т. Икономов. Съч. Т. IV, стр. 232. Шумен. 1897.

заны с новым этапом аграрного переворота, и о них речь будет несколько позже.

Мы рассмотрели, таким образом, ход аграрного переворота почти во всех районах Болгарии, за исключением районов восточного побережья. Можно предположить, что и здесь произошёл захват земель бежавших турок, в общих чертах сходный с описанным выше. Мы можем сослаться снова на П. Каравелова, который был в то время в этой местности и лично наблюдал ход переворота. Выступая в XI Народном собрании в 1901 г. по поводу положения крестьян Балчикской околии, П. Каравелов говорил: «Я еще в 1880 году заметил в этой околии, когда путешествовал по ней, что многие взяли себе землю выселившихся турок, не спрашивая никого...»⁴¹.

В этих словах Каравелова, в сущности, дана краткая характеристика аграрного переворота, который произошёл в «восточном крае», полностью согласующаяся во всём с тем, что нами уже выяснено по данному вопросу.

Приведённый материал позволяет сделать общий вывод о повсеместном и массовом захвате турецких земель болгарскими крестьянами, о ликвидации турецкого крупного феодального землевладения, о превращении исполщиков и кесимджиев в фактических собственников, свободных от феодальной зависимости крестьян.

Однако захват частных турецких земель и прекращение выполнения феодальных обязанностей и повинностей являлись главной, но не единственной формой ликвидации турецкого феодального землевладения. Наряду с частными землями болгарские крестьяне захватывали и присваивали турецкие казённые земли, в первую очередь луга и выгоны, а также леса.

Самые определённые указания на этот счёт содержатся в выступлениях депутатов 2-го Народного собрания в 1880 г. при обсуждении закона о черкесских землях. Депутат П. Р. Славейков заявил: «Мы имеем случаи, когда крестьяне запахивали казенные земли, осушали совати (пастбища. — *Н. Л.*), чтобы на них хозяйствовать, хотя и имели свои собственные земли. Многие оставили свои земли и пошли запахивать лучшие совати»⁴². О том же говорил и депутат Симидов: «День ото дня крестьяне бросают свои земли и не обрабатывают их, а запахивают совати»⁴³. Депутат Гешов заявил: «Я знаю, что около нашего села имеются такие земли (совати. — *Н. Л.*) и что более зажиточные люди, имеющие по тысяче дюлюмов земли, распахали и на них пашни, а те несчастные, которые не имеют скота, не могли ничего обработать. Те, кто имеет тысячу дюлюмов, все обрабатывают, бедные же ничего не могут сделать»⁴⁴.

Указание Гешова на то, что государственные земли запахивали в первую очередь зажиточные крестьяне, и без того владевшие большим количеством собственной земли, очень важно. Оно свидетельствует о том, что переход турецких земель совершался отнюдь не на основе принципа уравнительного распределения, а что здесь в полной мере сказалась та значительная дифференциация, которая уже имела в болгарской деревне.

В этой связи необходимо поставить вопрос о том, каким способом осуществлялся переход турецких земель — частных и казённых — в руки болгарского крестьянства. Этот переход при отсутствии революционной власти, которая могла бы раздать болгарским крестьянам принадлежавшую ранее туркам землю, мог быть осуществлён лишь единственным путём — путём открытого захвата и распахки захваченной земли. Вот почему в то время многие болгарские крестьяне оставляли свою землю

⁴¹ Дневники на XI ОНС, 1-я сесия. 43-е заседание, стр. 1285. София. 1901.

⁴² Дневники на II ОНС, 2-я сесия, кн. 3-я, стр. 9.

⁴³ Там же, стр. 12.

⁴⁴ Там же, стр. 10.

необработанной, так как она законно оформлена и потому «никуда не уйдет от них», и запахивали в меру своих возможностей брошенную турками частную или государственную (бывшего турецкого государства) землю. Понятно, что при этом бедняку легче было воспользоваться уже культивированной пашней, чем подымать целину на пастбищах. Размеры же запашки зависели больше всего от наличия тяглого скота. Можно без преувеличения сказать, что аграрная проблема тогда была наполовину проблемой тяглого скота.

Подавление в крови Апрельского восстания и связанное с этим ограбление болгар, русско-турецкая война и мобилизация лошадей и волов у болгарского крестьянства турецкими военными и гражданскими властями, в особенности при бегстве турок, когда у болгар забирался весь скот, привели к катастрофическому сокращению поголовья тяглого рабочего скота. В результате хозяйничания турецких войск без скота оставались целые деревни. Из-за отсутствия скота земля во многих местах осталась необработанной, а в ряде мест вспашка была произведена мотыгами и кирками. В «Статистических сведениях» указывается, например, что шипкинские крестьяне, заняв ряд турецких деревень, «с величайшим трудом обрабатывают поля. За неимением скота они сами на поле копают землю кирками и мотыгами и сеют пшеницу, разумеется в таком только размере, чтобы хватило на год пропитать свою семью»⁴⁵.

Не приходится удивляться тому, что в условиях такой острой нужды в рабочем скоте, перед которой подчас отходил на второй план вопрос о земле, развёртывалась борьба за скот в самых различных формах, доходя до организованных вооружённых нападений болгар на турок и кровавых схваток между ними. При этом показательно, что борьба за скот развёртывалась не только между болгарами и турками, но и между самими болгарами — между кулаками и беднотой. Кулаки, например, стремились взвалить на бедноту выполнение повинностей, связанных с отрывом лошадей от полевых работ, отнимали у бедняков скот бежавших турецких помещиков. Бедняки, в свою очередь, нередко нападали на скотные дворы богачей. Подавляющее большинство гражданских дел, разбирательством которых занимались военно-полевые суды, созданные при русской армии в Болгарии (военно-полевые суды рассматривали также и уголовные дела местного населения), было возбуждено в связи с борьбой за скот⁴⁶. Естественно, что кулаки, владевшие большим количеством скота, чем бедняки, могли забрать себе и значительно больше земли.

Приведённый материал позволяет сделать следующие выводы о сущности и характерных чертах аграрного переворота в Болгарии, который происходил в ходе и в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Результатом русско-турецкой войны явились такие изменения в аграрных отношениях в Болгарии, которые составили подлинный аграрный переворот. Сущностью его была ликвидация турецкого феодального землевладения. Аграрный переворот начался ещё в ходе русско-турецкой войны, но с особой силой развернулся после её окончания, весной — осенью 1878 г. и весной 1879 года.

Аграрный переворот протекал в трёх основных формах: захват земель турецких землевладельцев болгарским крестьянством, ликвидация всяких форм личной феодальной зависимости и личных повинностей, захват болгарским населением значительной части турецких казённых земель.

Ввиду того, что аграрный переворот происходил в условиях, когда отсутствовала революционная власть, могущая санкционировать захват земель, в ряде местностей он маскировался фиктивной арендой. Покупка

⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 54160, л. 77.

⁴⁶ См. ЦГВИАЛ, ф. 540 (военно-судные дела), 1878 г., оп. I, св. 16, д. 436; св. 26, д. 746; оп. 3, св. 9, д. 634; св. 19, д. 527, 766 и др.

земель у бежавших турецких землевладельцев совершалась лишь в самых ничтожных размерах, главным образом на начальной стадии аграрного переворота, и то только переселенцами, а не местными жителями. Она служила той же цели, что и «аренда», — созданию «законной» видимости для фактического захвата земли.

На юго-западной окраине Болгарии, где господствовало кесимджийство, и на северо-западе, где процветала исполичица и почти отсутствовало турецкое крестьянское население, но имелось крупное турецкое помещичье землевладение, аграрный переворот происходил в виде ликвидации всех и всяких личных обязанностей и повинностей крестьян; крепостные кесимджии и исполджии превращались в фактических собственников земли, которую раньше они обрабатывали на крепостных и полукрепостных основаниях. В сущности, это был тот же захват земель бежавших турецких помещиков.

В результате того, что аграрный вопрос оказался связанным с вопросом о беженцах, и того, что аграрный переворот тесно переплетался с национальной борьбой, был произведён массовый захват не только земель турецких помещиков, но и земель бежавшего турецкого крестьянства. Это обстоятельство усиливало национальную рознь между трудящимися болгарскими и турецкими крестьянами против турецких и болгарских эксплуататоров, подменяло классовую борьбу внутри болгарского и турецкого крестьянства борьбой национальной. Это обстоятельство привело к тому, что аграрный переворот не развернулся в районах сплошного турецкого крестьянского населения, где турецкие крестьяне не трогали «своих» беков. Оно привело к тому, что болгарские крестьяне так же не трогали или мало трогали «своих» болгарских чифликчиев, что спасло последних от окончательного разгрома.

Важнейшим результатом аграрного переворота было уничтожение турецкого крупного феодального землевладения. Хотя класс чифликчиев полностью не был уничтожен, ибо остались ещё болгарские и греческие помещики, однако становой хребет этого класса — турецкие помещики — был ликвидирован. Были ликвидированы также личные формы крепостнической зависимости. Болгарское крестьянство превратилось в формально свободный класс мелких земельных собственников.

Таково было глубоко революционное содержание аграрного переворота. Таковы были глубокие революционные последствия русско-турецкой войны. В Коларов подчёркивает то «исключительно важное обстоятельство, что русско-турецкая война не только освободила Болгарию от иеземного ига, но ускорила и закончила аграрную революцию, которая совершалась в ее пределах»⁴⁷. Так глубоко справедливо оценил В. Коларов объективно революционные последствия разгрома турецкой феодальной империи, произведённого Россией.

Аграрный переворот в Болгарии был совершён в тот период, когда ещё не существовало болгарского государства и вся полнота власти — гражданской и военной, судебной и полицейской — принадлежала русскому оккупационному управлению. Следовательно, необходимо рассмотреть политику, которую проводили русские оккупационные власти в аграрном вопросе.

В намерения царского правительства не входило покушаться на турецкое феодальное землевладение. Князь Черкасский, ведавший гражданскими делами при главнокомандующем, разрешив болгарским беженцам занимать турецкие земли, считал это временным мероприятием, не затрагивавшим права турецких землевладельцев. Такую же позицию

⁴⁷ «Речь министра В. Коларова» по случаю 70-летия освобождения Болгарии», стр. 15. София. 1948.

заняла царская Россия и при заключении Сан-Стефанского договора, статья XI которого защищала собственность и право турецких феодалов. Эта точка зрения не изменилась и во время заключения Берлинского трактата. Статья XII Берлинского договора воспроизводила с небольшими редакционными изменениями статью XI Сан-Стефанского договора.

Однако практическая деятельность русских властей в Болгарии шла вразрез с этой официальной линией. Ещё в начале войны в интересах ведения войны, обеспечения армии и болгарского населения продовольствием болгарам было разрешено занимать брошенные турками земли. После же Берлинского конгресса, в обстановке обострившейся англо-русской борьбы за позиции в Болгарии, русские оккупационные власти вынуждены были ещё определеннее проводить на практике в аграрном вопросе политику, прямо противоположную официально провозглашённым принципам. Аграрный вопрос вновь привлёк внимание русских властей в связи с той ролью, которую он мог сыграть в английских планах реставрации султанского господства в Болгарии, вытеснения из Болгарии России и ослабления там русского влияния.

После Берлинского конгресса два аспекта англо-русской борьбы за позиции в Болгарии непосредственно касались аграрного переворота: вопрос о претензиях Турции на весь земельный фонд Болгарии и англо-русское соперничество, нашедшее своё выражение в диаметрально противоположных позициях России и Англии по отношению к турецким беженцам.

Русский императорский комиссар в Болгарии Дондуков-Корсаков сразу же по получении текста Берлинского договора в пересланной в Петербург специальной записке предупредил министерство иностранных дел о возможности претензий Турции не только на турецкие казённые земли, но и на весь земельный фонд Болгарии. Он указывал в этой записке, что Турция будет определять понятие государственных земель, исходя из своего земельного права, в частности из земельного закона от 21 апреля 1858 года. Как известно, по этому закону, частными землями считались лишь мюльки, то есть в условиях Болгарии исключительно земли, находящиеся под постройками, и приусадебные участки. Вся остальная земля считалась мирийской, то есть государственной, временно отданной в пользование частным лицам. Дондуков опасался, что в Болгарии «надолго останется крупный собственник в лице Турции»⁴⁸. Более того, он высказывал тревожное предположение о возможности продажи Турцией всех своих земельных владений в Болгарии Англии⁴⁹.

Эти опасения заставили Дондукова придти к выводу о необходимости безвозмездной передачи турецких государственных земель в Болгарии болгарскому государству. «Вопрос этот,— писал он,— должен быть разрешён только в самом широком смысле, и в пользу Болгарского княжества, которое должно сделаться собственником всех государственных земель бывшей Турции в пределах Болгарского княжества»⁵⁰.

Практически это предложение означало национализацию почти всего земельного фонда страны.

Министерство иностранных дел вначале отнеслось весьма скептически и к опасениям Дондукова и к его предложению. Но уже вскоре оно вынуждено было признать правильность этих опасений и отчасти дать согласие на предложение Дондукова. «Посол наш в Константинополе,— сообщал 19 октября 1878 г. Гирс Дондукову,— вошел в переговоры с Портою по сему предмету, но соглашение не достигнуто... Порта заявляет претензии на все государственные имущества, долженствующие, по между-

⁴⁸ Сборник материалов. Вып. V, стр. 284. «Замечания князя Дондукова-Корсакова касательно некоторых статей Берлинского трактата. 13 июля 1878 года».

⁴⁹ См. там же, стр. 288.

⁵⁰ Там же, стр. 287.

народному праву, перейти в собственность нового правительства. До решения сего вопроса Болгарское правительство могло бы, по мнению Министерства иностранных дел, удерживать в своем владении помянутое имущество»⁵¹. «Помянутое имущество», т. е. земли, и начал удерживать Дондуков. В этом заключалось одно из главных направлений его деятельности в аграрном вопросе, шедшее вразрез со статьёй XII Берлинского трактата. Как уже указывалось выше, Дондуков полагал, что все земли, считавшиеся государственными по закону от 21 апреля 1858 г., являлись отныне собственностью болгарского государства.

Последовательное применение этого принципа на практике приводило к тому, что все земли бежавших турок, кроме мюльков, рассматривались Русским гражданским управлением как собственность болгарского государства и на этом основании сдавались в аренду.

Однако — и это очень важное обстоятельство, — рассматривая земли бежавших турок как государственное имущество, русская администрация воспрещала их продажу. По этому поводу в дополнительных записках к «Статистическим сведениям» по Ловчанскому и Севлиевскому округам сказано: «Некоторые из них (турок.— Н. Л.), уходя, желали продать свою собственность переселенцам, но им местное управление воспретило и не выдает заграничных паспортов, пока не убедится, что уходящие жители оставили свое недвижимое имущество никому не проданным»⁵².

Из упоминания о заграничных паспортах следует, что речь здесь идёт о послевоенном периоде (весна 1878 г. — весна 1879 г.), когда турки уже не бежали, а добровольно уезжали из Болгарии. Это свидетельство подтверждает сделанный нами ранее вывод, что покупка-продажа земли осуществлялась лишь на самой ранней стадии аграрного переворота — в начале русско-турецкой войны.

Аграрный вопрос встал перед Русским гражданским управлением также в связи с массовым возвращением турецких беженцев в Болгарию, особенно в отошедшую под власть султана Румелию.

После Берлинского конгресса Англия и стоявшие за ней Австро-Венгрия и Германия всячески настаивали на том, чтобы турецким беженцам был разрешён немедленный въезд в Болгарию и полностью возвращена их собственность. По существу, это была программа реставрации помещичьего турецкого землевладения, рассчитанная на колонизацию Балкан и особенно Болгарии. Политика Англии была также направлена на ослабление русского влияния на Балканах. Увеличение турецкого населения в Болгарии способствовало бы сохранению феодализма и усилению английского влияния в этой стране. В связи с этим русские оккупационные власти приняли контрмеры.

2 августа 1878 г. Гражданское управление в Болгарии приняло одно из самых важных решений по аграрному вопросу — постановление Совета императорского российского комиссара (так называемое «Журнальное постановление»). Этим постановлением изменялись условия возвращения турецких беженцев в Болгарию и условия ввода их во владение своей собственностью.

Формально постановление от 2 августа запрещало возвращение в страну лишь черкесам, сохраняя это право за остальными беженцами. Однако в постановлении имелась одна важная оговорка, сильно затруднявшая возвращение беженцев вообще. В нём говорилось: «Объявлять перед отправлением всем заявившим желание возвратиться мусульманам, что те из них, которые запятнали себя такими преступлениями, как убийство, разбой, предводительствование разбойничьими шайками или организация их, поджоги, разорение населенных пунктов и изнасилование, будут, по

⁵¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8778. Гирс — Дондукову от 19 октября 1878 года.

⁵² Там же, д. 54161, л. 308. Дополнительная записка к «Статистическим сведениям» по Ловчанскому округу.

уличению их в одном из сих преступлений, немедленно арестуемы и предаваемы военному суду»⁵³.

Трудно было найти турецкого помещика-бека, не замешанного в одном из указанных преступлений. Напомним, что то было время жестокого национального угнетения болгарского населения турками, кровавого подавления Апрельского восстания 1876 г. и свирепой борьбы с народным движением в 1877—1878 годах.

Коренным образом изменился и порядок ввода беженцев во владение их имуществом. Если раньше этим занимались смешанные турецко-болгарские комиссии, которые с мая 1878 г. в соответствии со статьёй XI Сан-Стефанского договора начали функционировать во всех округах, то теперь «Журнальное постановление» передало это право судам. Возвратившийся турецкий владелец земельного участка должен был «доказать на суде свои права на владение оным»⁵⁴. На практике это приводило часто к потере турецкими феодалами своих земельных угодий. В воспоминаниях И. Иванова, губернатора Сливенской, а затем Русчукской губерний, близко столкнувшегося с подобными судебными процессами, говорится: «Что касается до недвижимого имущества, принадлежащего туркам, то таковое возвращалось им только по предъявлению ими документальных доказательств о принадлежности им такового, как, например, водяные и мукомольные мельницы, чифлики, т. е. поместья с постройками, виноградные сады, дома и пр. Возвращение этого рода имущества представляло немало затруднений потому, что турки владели недвижимыми имуществами без всяких решительно документов, и когда пришлось разбирать процессы по этому предмету, то в большинстве случаев оказывалось, что эти имущества в разные времена были захвачены у болгар турками по праву сильного»⁵⁵.

«Журнальное постановление» было встречено в штыки английской прессой. Англия тотчас почувствовала всю опасность его для английской политики восстановления феодальных порядков на Балканах. «Таймс» в передовой от 19 августа 1878 г. писала, что политика Дондукова сводится к полной конфискации турецкой собственности: «Результатом этого будет просто всеобщая конфискация, которая и является главной целью задуманного плана»⁵⁶.

Конечно, сопротивление Англии не ограничивалось газетными протестами. Английская дипломатия пустила в ход всю свою силу, дабы сохранить права и собственность турецких феодалов — опоры политики Англии в Турции и на Балканах. Английский посол в Константинополе Лайард сделал попытку отстранить русские власти от решения вопроса о судьбе земель турецких беженцев. «Правительство Порты меня спросило, — телеграфировал Лайард 14 августа Солсбери, — буду ли я поддерживать план создания комиссии из одного русского и одного турецкого представителя и из консулов в Адрианополе для проверки и установления прав мусульман, собственность которых захвачена болгарскими»⁵⁷. Солсбери немедленно полностью согласился с планом создания подобной комиссии, лицемерно назвав его «беспристрастным»⁵⁸. Передача вопроса о собственности беженцев на рассмотрение консулов, то есть английских, австрийских, германских, французских и итальянских защитников Берлинского диктата, означала бы полную ликвидацию достигнутых аграрным

⁵³ Там же, вып. V, стр. 311 «Журнал Совета императорского российского комиссара в Болгарии» 2 августа 1878 г., статья 2-я.

⁵⁴ Там же, стр. 314.

⁵⁵ И. Иванов. Сборник статей, стр. 189—190. Кишинёв 1896.

⁵⁶ «The Times» от 19 августа 1878 года.

⁵⁷ «Turkey» № 53 (1878), стр. 25. Лайард — Солсбери 14(2) августа 1878 г. («Turkey» — сборники дипломатических документов, относящихся к политике английского правительства в Турции, периодически издаваемые Foreign Office.)

⁵⁸ Там же, стр. 26. Солсбери — Лайарду 17(5) августа 1878 года.

переворотом результатов, привела бы к реставрации феодального землевладения.

Благодаря решительному сопротивлению России эта попытка Англии потерпела крах.

С особой силой противоречие между английской политикой реставрации феодального порядка в Болгарии и русской политикой, объективно способствовавшей ликвидации турецкого феодального землевладения, проявилось в деле турецких помещиков Хаджи-Ариф-аги и Хаджи-Шабан-аги. Эти два крупных феодала-землевладельца из Пловдива сразу же после Берлинского конгресса возвратились в Болгарию, чтобы восстановить свои права на потерянную собственность. Турецкие феодалы рассчитывали на поддержку Англии.

Русские оккупационные власти в соответствии с «Журнальным постановлением» немедленно арестовали их и предали военному суду за преступления, совершённые в период турецкого господства.

Заседание суда (он состоялся 18(30) августа 1878 г.) было публичным, и дело слушалось при огромном стечении народа. «Большинство свидетелей, — доносил английский вице-консул в Пловдиве Кальверт Лайарду, — были слуги Ариф-аги, которые после бегства турецкого населения разделили его стада и фермы и от которых он по своему возвращению хотел получить свою собственность, неблагоразумно апеллируя к русским»⁵⁹.

Военный суд приговорил обоих обвиняемых к смертной казни. Приговор был встречен всеобщим горячим одобрением и вызвал громадный отклик в стране⁶⁰.

Английская дипломатия открыто стала на защиту осуждённых феодалов. Ей удалось в конце концов после ряда демаршей добиться у Александра II замены смертной казни осуждённым «военным изгнанием» из Болгарии. Несмотря на это, процесс сыграл свою роль: после неудачной попытки Хаджи-аги и Шабан-аги турецкие феодалы не осмеливались более в этот период возвращаться в Болгарию.

Так царская Россия, борясь со стремлением Англии создать из Восточной Румелии свой антирусский форпост, вынуждена была в своей практической деятельности в Болгарии отказаться от дважды закреплённого в Сан-Стефанском и Берлинском договорах принципа охраны помещичьего землевладения.

Поддержка Россией национально-политического освобождения болгарского народа привела, помимо желания царского правительства, к поддержке на практике и его социального освобождения, к ликвидации турецкого помещичьего землевладения. Английская политика по отношению к Болгарии была направлена на восстановление в стране власти султана, на реставрацию в Болгарии турецкого помещичьего землевладения и всего феодального строя в целом.

Своеобразие борьбы болгарских крестьян за землю определял тот факт, что аграрный переворот в Болгарии происходил не в условиях победоносного народного восстания, а после его поражения. Поражение Апрельского восстания, разгром революционной организации Левского — Ботева, освобождение Болгарии от турецкого гнёта не путём революции, а в ходе русско-турецкой войны привели к тому, что у власти оказалась болгарская либеральная буржуазия. Вследствие тех же причин Тырновская конституция, принятая в апреле 1879 г., носила не революционно-демократический, а либерально-буржуазный характер.

⁵⁹ Там же, стр. 138. Кальверт — Лайарду 30(18) августа 1878 г.; см. также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8781. «Дело о Хаджи-Ариф-аге и Хаджи Шабан-аге», лл. 1—24.

⁶⁰ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8802. Обращение к Дондукову жителей Карлова, Кялофера и Сопота от 22 августа 1878 года.

Радикальный аграрный переворот в Болгарии, происходивший в ходе русско-турецкой войны и в период русского управления, не сопровождался столь же радикальным демократическим политическим переворотом. Последствия этого сказались самым скорым и непосредственным образом.

После создания самостоятельного болгарского государства началось наступление болгарской буржуазии на крестьянство. Произведённый крестьянами раздел земель бежавших турецких помещиков был признан незаконным. Выступая на заседании Тырновского учредительного собрания, лидер либеральной буржуазии П. Каравелов заявил: «Имеется много людей, завладевших имуществом частных лиц, общин или казны незаконно, а поэтому не требуется санкционировать эти владения»⁶¹.

Точка зрения Каравелова была принята Собранием. Так болгарская буржуазия совершила сделку с силами реакции.

Ещё хуже обстояло дело в отошедшей обратно к султанской Турции Восточной Румелии. Здесь Румелийской комиссией был принят «Органический статут», глава 14-я которого была посвящена земельным отношениям. Составил эту главу француз Ринг, согласовавший её с представителями турецкого правительства⁶².

14-я глава «Органического статута» прямо предписывала преобразование всех видов феодальной земельной собственности в свободную буржуазную собственность. Но это решение, вызванное уже происшедшей фактической ликвидацией феодальных отношений, проводилось способом, выгодным только феодалам: крестьянство должно было выкупить у помещиков земли и права на них. В статуте указывались основные положения, на которых должен был основываться этот выкуп. Каждый владевший «освобожденной земельной собственностью», т. е. бывшей помещичьей землёй, обязан был выплачивать в течение 30 лет годовой доход, равный доходу, который получал ранее землевладелец с этого участка. Кроме того крестьяне должны были выплачивать особое вознаграждение, устанавливаемое специальной комиссией под председательством назначенного чиновника. Впрочем, крестьянину предоставлялось право сразу заплатить всю сумму вознаграждения⁶³.

Таким образом, «Органический статут» устанавливал обязательный выкуп всех захваченных земель на кабальных условиях. Характерно, что и в Восточной Румелии, несмотря на восстановление в ней султанской власти, ни комиссия, ни сами феодалы не посмели поставить вопрос о восстановлении феодального землевладения, а свели дело к выкупу.

В изменившейся политической обстановке турецкие помещики-беки приступили к реализации своих прав. В Восточную Румелию и в княжество с осени 1879 г. массами стали возвращаться турецкие крупные землевладельцы. Их уполномоченные — так как сами беки не рисковали показаться среди крестьян — стали принуждать последних «покупать» у них уже захваченные крестьянами земли. Часть земель продавалась всякого рода перекупщикам и спекулянтам.

Крестьяне оказывали решительное сопротивление поползновениям помещиков. Нередко дело доходило до избиения и изгнания беков.

Особенно энергичное сопротивление турецким помещикам оказывало крепостное крестьянство Юго-Западной Болгарии. По свидетельству Иречека, совершившего в августе 1880 г. в составе специальной правительственной комиссии поездку по Кюстендильскому округу с целью изу-

⁶¹ «Протоколите на Учредителното Българско Народно събрание в Търново», стр. 92. Търново. 1879.

⁶² См. «Turkey» № 9 (1879), стр. 959.

Румелийская комиссия была создана по решению Берлинского конгресса для выработки статута Восточной Румелии. В неё вошли представители государств, подписавших Берлинский договор. Комиссия являлась орудием проведения политики порабощения Болгарии.

⁶³ См. «Органически устав на источната Румелия», стр. 128—131. Пловдив. 1879.

чения аграрного вопроса, «кюстендилские турки, сбежавшие перед русскими, вернулись в город, но не дерзнули итти в села, ибо крестьяне слышать не хотели о старых отношениях и готовились отнюдь не по-приятельски встретить своих господарей»⁶⁴.

Как выясняется из жалобы группы кюстендилских беков-крепостников английскому послу в Константинополе Лайарду, поданной в мае 1880 г., они всё же «дерзнули итти в села», но эта их попытка кончилась весьма печально. В жалобе говорится: «Согласно статье XII Берлинского договора, установлено, что все беженцы из Болгарии, владевшие собственностью, могут или снова занять свои земли, или хозяйствовать на них тем способом, как они пожелают, или продать их. Зная это и веря в эти пункты договора, санкционированного Великими Державами, беженцы Кюстендилской казы около трех месяцев тому назад решили вернуться в Кюстендил, дабы вступить во владение своей собственностью. Но достигнув Егри-дире Паланка на границе Кюстендила, они нашли, что болгары владеют их собственностью и дорога в Кюстендил закрыта. Таким образом, в довершение ко всем прежним несчастьям, они в течение 2-х месяцев страдали в Егри-дире Паланка, и хотя некоторые из них пробрались тайком, они не смогли получить свою собственность и, пострадав от рук болгар, многие вернулись назад в Паланку»⁶⁵.

Перед нами ценное свидетельство целой группы крупных землевладельцев — петиция, под которой стоит 29 подписей, подтверждающая установленные выше факты, а именно: захват крестьянами земель бежавших турецких помещиков; массовое возвращение беков на свои земли после окончания срока русской оккупации; самое решительное сопротивление крестьян попыткам беков вступить вновь во владение захваченными у них землями. А это означало, что болгарское крестьянство пыталось отстоять силой свои завоевания, сделанные в ходе аграрного переворота.

Помещики, столкнувшиеся с фактом крестьянского сопротивления, обращались также за помощью к болгарскому правительству⁶⁶.

К нему же обращались и крестьяне. Во 2-е, 3-е, 4-е Народные собрания поступали многочисленные жалобы от крестьян, просивших защиты от притязаний возвратившихся помещиков. Типичным примером таких крестьянских жалоб является прошение 21 семейства из села Ковачевцы, Софийской губернии. Докладчик от Комиссии по жалобам 2-го Обыкновенного народного собрания так излагает прошение крестьян: «Подписавшие это прошение говорят, что до освобождения они обрабатывали турецкие земли исполу. Во время войны хозяева обрабатываемой ими (просителями) земли сбежали, и упомянутое 21 семейство держало землю внаем от окружного совета. Сегодня старые хозяева, турки, вернулись и начали продавать свои земли богатым корчмарям и цыганам. Эта распродажа, — говорят просители, — вернет их в то же положение, в каком они находились при турках. Они просят эту распродажу остановить и дать им возможность купить чифликчийские турецкие земли, которые им нужны»⁶⁷.

Рассказанная в этой жалобе бесхитростным языком история села Ковачевцы воспроизводит всю картину аграрного переворота. Бывшие исполщики захватили в период русского управления земли турецких беков и обрабатывали их, держа «внаем от окружного совета». Но когда турки вернулись, они стали продавать захваченную крестьянами землю богатым спекулянтам. Перед грозной перспективой остаться без земли

⁶⁴ К. Иречек. Указ. соч., ч. I, стр. 233.

⁶⁵ «Turkey» № 19 (1880), стр. 13, док. № 14.

⁶⁶ См., например, прошение группы турецких феодалов во 2-м Обыкновенном народном собрании. Дневники II ОНС, 2-я сессия, кн. II, стр. 142. София. 1891.

⁶⁷ Дневники на II ОНС, 2-я сессия. (15 октября — 20 декабря 1880 г.), кн. II, стр. 59.

или втридорога заплатить за неё перекупщикам крестьяне готовы были сами купить эти земли.

Осаждённое жалобами помещиков и крестьян, серьёзно обеспокоенное движением, которое поднималось в деревне, болгарское буржуазное правительство вынуждено было заняться аграрным вопросом. Однако оно пришло на помощь не крестьянству, а помещикам. Оно помогло принудить крестьян к выкупу ранее захваченных земель. Всё аграрное законодательство 80—90-х годов XIX в. преследовало одну цель — обеспечить землевладельцам компенсацию за отнятые у них земли.

Выкуп ранее захваченных земель, к которому было принуждено болгарское крестьянство, проходил в двух формах: в виде покупки этих земель непосредственно у турецких помещиков и в виде покупки их при помощи государства за обременительные проценты.

Крестьяне, не получив защиты у государства и видя, как их земли продаются перекупщикам и спекулянтам, были вынуждены в массовом масштабе покупать захваченные земли. Этот процесс с особой силой развернулся с конца 1879 года.

О размахе, которого достигла продажа земель в Восточной Румелии, говорят приведённые Иречекон данные: с весны 1879 г. по 1 ноября 1883 г. в Румелии было продано земель на 102 158 237 грошей (примерно 23 млн. левов), из этой суммы на сделки между мусульманами и христианами падало 72 млн. грошей⁶⁸.

Такая же энергичная купля-продажа земель происходила и в Северной Болгарии. По подсчётам Начевича, бывшего неоднократно в течение 80—90-х годов XIX в. министром финансов, в Южной и Северной Болгарии болгары в общем купили у турецких землевладельцев 4 475 тысяч декар земли⁶⁹. По данным министерства финансов за 1888 г., количество пахотной земли в Болгарии составляло около 18 млн. декар⁷⁰. Следовательно, примерно около $\frac{1}{4}$ пахотного фонда было куплено у турецких землевладельцев. Естественно, что кулачество оказалось при этом в более благоприятных условиях, чем беднота. Имея наличные средства, кулак нередко не только выкупал захваченную им землю, но и земли, оказавшиеся у несостоятельных крестьян, выступая перед последними в качестве перекупщика-спекулянта или ростовщика. Беднейшая часть крестьян вынуждена была идти в кабалу к ростовщику, чтобы собрать нужную для «покупки» сумму.

Этот процесс массовой купли-продажи турецких земель широко известен в исторической литературе. Именно его-то буржуазные историки и экономисты и выдают за аграрный переворот, называя это массовой, добровольной и законной покупкой земель болгарским крестьянством. На самом деле это был принудительный выкуп, форма ликвидации аграрного переворота.

Эта форма выкупа была основной. Наряду с ней, как уже указывалось, имел место и выкуп при помощи государства. К помощи государства прибегали в первую очередь кесимджии и безземельные ратаи, работавшие на чифликах турецких помещиков. Именно положения этих категорий крестьянства и касались аграрные законы 80—90-х годов. Размеры статьи не позволяют сколько-нибудь детально проанализировать эти законы.

Первый из них — закон от 24 ноября 1880 г. («Закон об улучшении положения земледельцев на господских землях»), подобно Румелийскому

⁶⁸ См. К. Иречек. Указ. соч., ч. 1-я, стр. 224. Средняя цена дюлюма в Болгарии была тогда 100—150 грошей. Следовательно, в продаже было около одного миллиона дюлюмов земли.

⁶⁹ Привожу по Д. Косеву. Селското движение в България в края на XIX в. основането на БЗНС и отншението на БРСДП към селския въпрос. «Исторически преглед». Год издания V, кн. V, стр. 551. В этой статье Д. Косев приводит такой же примерно расчёт количества земли, вовлечённой в продажу, как и в данной работе.

⁷⁰ См. «Сведения по икономическото състояние на България», стр. 189. София. 1888.

статуту, вынужден был признать фактически свершившуюся в ходе аграрного переворота ликвидацию помещичьего землевладения. Закон от 24 ноября 1880 г. признавал кесимджиев собственниками своих участков — «бащин» — и устанавливал права ратаев и ипольщиков на участки, обрабатываемые ими не менее 10 лет подряд⁷¹. Но одновременно закон принуждал крестьян выкупать у помещиков эти земли.

Особенностью закона 1880 г., по признанию докладчика от специальной комиссии по тому же вопросу в 1885 г., являлось «неточное и непрактическое определение прав земледельцев, а главное — отсутствие ясного и определённого способа установления вознаграждений за уступленные земли»⁷². Закон 1880 г. был составлен в настолько неясной форме, что можно было полагать, что вознаграждение будет платить государство, а не крестьянство. Это была нарочитая неясность, вызванная необходимостью успокоить крестьянство.

Всё последующее законодательство и заключалось как раз в уточнении условий выкупа помещичьих земель. 18 января 1885 г. был принят «Закон о чифликчийских и господских землях». Этот закон устанавливал размер вознаграждения помещикам и способ его уплаты. Определённую специальной комиссией сумму выкупа, равную семи—восьмикратному годовому доходу, или кесиму, крестьянин получал от государства в рассрочку на 5 лет за 6% годовых. У не уплативших эту сумму в срок отбиралась земля (неоплаченная часть). Только по уплате выкупа крестьянин становился полным собственником своей земли⁷³.

Через год правительство сочло возможным сделать условия выкупа ещё более тяжёлыми. По закону от 9 июля 1886 г., выкупные операции были возложены на земледельческие кассы, а процент, взимавшийся с крестьян за ссуду для выкупа, был увеличен с 6 до 8⁷⁴.

Крестьянство, принуждённое в 5 лет уплатить то, что раньше оно должно было выплачивать помещикам в течение 8—10 лет, не смогло уложиться в данный ему срок, что привело к возрастанию общей суммы платежа из-за высоких процентов и к необходимости для правительства давать новые рассрочки крестьянам. В 1891 г. срок выплаты был продлён ещё на 5 лет, но и за это время крестьяне не могли рассчитаться с долгом. В 1895 г. VIII Обыкновенное народное собрание снова вынуждено было законом от 19 января 1896 г. продлить крестьянству срок выплаты на 20 лет (до 1915 г.) и взимать впредь проценты лишь с основной суммы выкупа (ранее начислялись проценты на проценты)⁷⁵.

В докладе министра финансов И. Гешова, мотивирующем необходимость этого закона, содержалось признание, что «проценты так велики, что они почти удвоили сумму стоимости имуществ (отчуждённых земель.— Н. Л.). Долг (крестьянства.— Н. Л.) составляет в круглых цифрах вместе с процентами 1 100 тыс. левов»⁷⁶. Так, за 15 лет со дня издания первого закона о помещичьих землях долг крестьян вследствие непомерных процентов почти удвоился.

Ровно 10 лет спустя очередное Народное собрание (XIII) вновь столкнулось с проблемой уплаты крестьянством непомерно возросшего за счёт процентов долга государству. На этот раз не законом, а в порядке частных решений по прошениям отдельных сёл Народное собрание освободило отдельных крестьян, почти полностью разорившихся, от упла-

⁷¹ См. Дневники на II ОНС, кн. 2-я, стр. 160—161. София. 1891.

⁷² Дневники на 4 ОНС, 1 ред. сесия, 68 заседание, 18 января 1885 г., стр. 262 (не указаны год и место издания).

⁷³ См. «Сборник от действующиете закони в княжество България по министерството на финансите и по министерството на търговията и земледелието», стр. 221—228. София. 1896.

⁷⁴ См. «Държавен вестник» от 26 июля 1886 года.

⁷⁵ См. «Държавен вестник» от 17 февраля 1896 года.

⁷⁶ См. Дневники на VIII ОНС, 2-я сесия, кн. 2-я, стр. 742. София. 1896.

ты процентов, обязав уплатить оставшуюся часть долга в 20-летний срок. Такое решение было принято 3-й сессией XIII Народного собрания по прошениям крестьян сёл Буцилово, Кутугерци, Бистрица, Долно-село, Бабешино, Долно-Тлъмно, Караманица и Бистр⁷⁷ и 4-й сессией — по прошениям ещё 38 сёл⁷⁸.

Таким образом, лишь через 25 лет после аграрного переворота крестьянство смогло освободиться от уплаты только процентов по выкупной сумме.

Принуждение крестьян к выкупу захваченных ими помещичьих земель не было единственной формой ликвидации последствий аграрного переворота. Вторая линия наступления на крестьянство заключалась в том, что государство стало отбирать у крестьян захваченные ими бывшие правительственные земли. Были возбуждены многочисленные судебные процессы против лиц, захвативших эти земли.

Тяжёлые условия выкупа создали у крестьянства большую нужду в деньгах, что привело к расцвету ростовщичества. Все, кто имел свободный капитал, занимался в тот период земельной спекуляцией и ростовщичеством. Значительная часть земель вследствие этого перешла к крестьянству через руки спекулянтов-перекупщиков. К этому необходимо добавить, что наряду с новыми долгами с крестьян начали взыскивать старые долги — периода турецкого господства.

Приведённый материал устанавливает тот факт, что болгарская буржуазия, придя к власти, поддержала наступление турецких помещиков на крестьянство и не только принудила крестьян полностью оплатить на выгодных для феодалов условиях захваченную помещичью землю, но и обременило их разорительными процентами на предоставленную для выкупа сумму. Таким образом, болгарская буржуазия постаралась, насколько могла, ликвидировать последствия аграрного переворота 1877—1879 годов.

Однако буржуазии и помещикам не удалось ликвидировать все последствия аграрного переворота: помещичье землевладение так и не было восстановлено. Но принуждение крестьян к выкупу ранее захваченных ими земель оказало глубоко отрицательное влияние на последующий ход экономического развития Болгарии. Выкуп в обеих его формах был одним из серьёзных проявлений остатков крепостничества в экономике буржуазной Болгарии, тормозившим развитие капитализма. Огромная задолженность крестьянства, расцвет ростовщичества, обезземеливание крестьян, появление вновь крупных землевладельцев полуфеодалного типа — все эти явления, характерные для сельского хозяйства Болгарии конца XIX — начала XX в., в немалой степени были усилены (а некоторые и вызваны) фактом принуждения крестьян к выкупу ранее захваченных земель.

История аграрного переворота в Болгарии весьма поучительна. Она наглядным образом подтверждает одно из коренных положений марксизма-ленинизма о том, что аграрные завоевания крестьянства могут быть закреплены лишь соответствующими политическими завоеваниями. «Мы должны сказать крестьянину, — учил партию В. И. Ленин, — взявши землю, ты должен идти вперед, иначе ты неминуемо будешь разбит и отброшен назад помещиками и крупной буржуазией. Нельзя взять землю и удержать её за собой без новых политических завоеваний»⁷⁹.

⁷⁷ См. Дневники на XIII ОНС, 3-я сесия (15 октября 1905—25 января 1906 г.), ч. 6-я, стр. 2277—2278.

⁷⁸ См. «Държавен вестник» от 26 и 27 марта 1907 года.

⁷⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 168.

Болгарское крестьянство не смогло удержать своих завоеваний именно вследствие того, что политический переворот не соответствовал по своему результату аграрному. Отсутствие у крестьянства подлинного руководителя — рабочего класса, — антинародная позиция болгарской буржуазии, поражение Апрельского восстания, национальное освобождение не в результате победоносного народного восстания, а в итоге русско-турецкой войны предопределили указанное несоответствие.

Болгарское крестьянство в результате освобождения страны в 1944 г. Советской Армией и установления в Болгарии народно-демократического режима освободилось не только от остатков феодальных порядков, но и от тирании монархо-фашистской клики. В стране проведена аграрная реформа, в основу которой положен принцип: «Земля принадлежит тому, кто её обрабатывает». Эта реформа ликвидировала крупное землевладение и нанесла сильный удар позициям кулачества.

Болгарское трудовое крестьянство, приобретшее верного, испытанного руководителя в лице пролетариата и его партии, вырванное из-под губительного влияния буржуазии, ныне твёрдо стало на путь строительства основ социализма. Руководство коммунистической партии, дружба с Советским Союзом, повседневная всесторонняя помощь Советского Союза являются вернейшим залогом успешного выполнения этой великой исторической задачи.

«Два раза в истории Болгарии, — говорит Г. М. Димитров, — великий русский народ протягивал нам свою благородную руку для освобождения нас от чуждого ига... Дружба с Советским Союзом является органической потребностью нашего народа, проявлением его законного чувства благодарности к старшему брату — великому русскому народу, к Советскому Союзу и его гениальному вождю — Иосифу Виссарионовичу Сталину»⁸⁰.

⁸⁰ Г. Димитров. Соч. Т. 3, стр. 454—455.